

Н.Ю. Лапина©
N.Y. Lapina

Контурсы нового политического лидерства

The contours of the new political leadership

DOI: 10.31249/ape/2019.02.01

Политическое пространство западноевропейских стран стремительно меняется. Занимавшие центральное место в политической жизни традиционные партии переживают кризис, на политической арене крепнут позиции несистемных партий и движений. На смену политикам-зубрам, сделавшим карьеру внутри партийных аппаратов традиционных партий и в течение десятилетий находившимся у власти, приходят новые лидеры. Они привносят в политику новые практики и нормы поведения и, главное, меняют правила политической игры.

Кризис традиционного и формирование нового политического лидерства в странах Западной Европы – тема большой научно-политической актуальности. Разобраться в хитросплетениях современной политики невозможно не зная, кто занимает ведущие позиции на политической арене, откуда пришли и как сформировались новые политические фигуры. В этом выпуске журнала анализируются процесс смены лидеров в европейских странах, социальные профили, карьерные траектории и биографии новых политиков – выходцев из системных и несистемных партий или сформировавшихся вне партий. Авторы интересуют, что собой представляет феномен нового политического лидерства, как новые политики действуют в

политическом пространстве и как формируется их имидж, какова роль в этом процессе медиа, маркетинговых технологий, способов коммуникации.

Смена политического лидерства явилась результатом глубоких трансформаций, происходивших в последние десятилетия в общественно-политической жизни западноевропейских стран. В эти годы со всей отчетливостью проявился кризис партийной политики: базовые идеологические установки системообразующих партий размывались, партийная дисциплина ослабла, росли амбиции отдельных политиков и в целом внутрипартийная конкуренция.

В основе новых политических тенденций – сдвиги в социальной структуре общества, формирование новых общественных запросов и ориентаций. Традиционная социальная структура, для которой было характерно деление на рабочий класс, буржуазию и средние слои, разрушается, появляются новые социальные разломы, размежевание проходит не между классами / социальными группами, а внутри них по линии открытости / закрытости общества, его адаптированности / неадаптированности к глобальным изменениям.

Феномен нового политического лидерства отражает раскол западного общества на две части: ту, что принимает глобализацию и верит в ее счастливый исход, и другую – ориентированную на национальный суверенитет, стоящую на охранительных позициях и боящуюся перемен. Сдвиги в социальной структуре – не простое следствие глобализации. Это самостоятельный процесс, с разной степенью интенсивности протекающий в странах Европы. Фрагментация общества, размывание классов и групп, в прошлом составлявших стабильную социальную базу партий, рост индивидуализма и ослабление партийной идентификации граждан вынудили традиционные партии начать поиск новой стратегии.

Первоначально на путь обновления ступили правые партии. Во главе консервативной революции в Западной Европе стояли британские консерваторы и их лидер Маргарет Тэтчер. «Консервативная революция» провозгласила принципы экономического либерализма, предполагала возвращение к фундаментальным

экономическим и моральным ценностям, обещала гражданам благополучное будущее. Ее лозунг звучал оптимистично: «Работать больше, чтобы больше зарабатывать».

На левом фланге модернизационный поворот осуществили представители «новой социал-демократии» – лидер нидерландской Партии труда В. Кок, Лейбористской партии Великобритании Т. Блэр, Социал-демократической партии Германии Г. Шрёдер. «Новый лейборизм» Т. Блэра означал отказ от ряда традиционных установок социал-демократии. Предложенный им «третий путь» (*Third Way*) предполагал сдвиг в сторону политического центра и пролегал не между «капитализмом и коммунизмом, но между неолиберализмом и традиционным демократическим социализмом»¹. В ходе избирательной кампании 1998 г. Г. Шрёдер также выдвинул концепцию «новой середины» (*Neue Mitte*). Идеологию, как и классовую борьбу, «новые социал-демократы» рассматривали как категории «устаревшие».

В конечном счете ни лидерам консерваторов, ни «новым социал-демократам» не удалось изменить жизнь своих народов к лучшему. В первые два десятилетия XXI в. одной из центральных проблем в странах Западной Европы стал рост социального неравенства². Либеральная модель глобализации привела к деиндустриализации большинства европейских стран, где на смену традиционному «пролетариату» пришел «новый рабочий класс». Многие его представители не имеют постоянной работы и стабильного социального положения. Они слабо социализированы и более зависимы от государственной системы социального обеспечения.

В результате масштабных социальных изменений, с одной стороны, и сдвига западноевропейских партий в сторону политического центра – с другой, традиционные партии утратили свою электоральную базу, а их лидеры – поддержку в обществе. Особо дорого за модернизационный поворот заплатили социали-

¹ Работяжев Н.В. Реализм и утопия в идеологии европейской социал-демократии // *Полития*. – М., 2018. – № 3. – С. 170.

² Веселовский С.Я. Глобализация и проблема неравенства доходов в современном мире. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – 184 с.

сты и социал-демократы. В 2004 г. СДПГ раскололась, из ее рядов вышло левое крыло, образовавшие Левую партию. На выборах в Бундестаг в 2017 г. за СДПГ проголосовала пятая часть избирателей, тогда как в 1990 г. – треть (33,5%). В апреле 2018 г. лидером СДПГ была избрана оппонент Г. Шрёдера А. Налес. После поражения на выборах в 2010 г. Лейбористская партия от принципов «нового лейборизма» отступила, а в 2015 г. партию возглавил представитель левого крыла Дж. Корбин, стремящийся вернуть ЛПВ «к ее социалистическим истокам и традициям»¹.

Французские социалисты не делали ярких заявлений по поводу отказа от идеологии и изменения стратегии. Однако у избранного в 2012 г. президентом социалиста Ф. Олланда масштабный социальный проект отсутствовал. Глава государства сосредоточил внимание на защите прав социальных и прочих меньшинств, в том числе лиц нетрадиционной сексуальной ориентации. А одним из наиболее запомнившихся актов его правления стало принятие закона, разрешающего однополые браки (2013). В социально-экономической сфере глава государства проводил политику, которая мало чем отличалась от политики правоцентристов.

Испытание властью ослабило Французскую социалистическую партию (ФСП). Ж.-К. Камбаделис, возглавлявший ФСП в 2014–2017 гг., вспоминает, что между президентом-социалистом и руководством партии росло взаимное непонимание, что депутаты от ФСП отказывались поддерживать в парламенте правительственные законопроекты². В результате Ф. Олланд стал наименее успешным президентом Пятой республики и первым действующим главой государства, который отказался вновь участвовать в президентской кампании. В 2017 г. во Франции в ходе выборов впервые кандидаты от двух ведущих партий, чередовавшихся у власти на протяжении последних тридцати лет, не вышли во второй тур голосования, а двухпартийная система разрушилась.

¹ Работяжев Н.В. *Реализм и утопия в идеологии европейской социал-демократии* // *Полития*. – М., 2018. – № 3. – С. 175.

² Cambadélis J.-Ch. *Chronique d'une débacle*. – P.: Archipel, 2017. – 224 p.

Кризис традиционного политического лидерства и рост недоверия европейцев к политическим институтам способствовали упрочению на политической арене позиций новых лидеров – популистов. Партии и движения правопопулистского и левопопулистского толка существовали в Западной Европе и прежде. Однако до недавних пор они действовали как возмутители спокойствия, политические хулиганы. Сегодня они ставят перед собой конкретную цель: завоевание властных позиций. Конвертация несистемности в системность проходит сложно, и пока праворадикальные и леворадикальные популистские лидеры, несмотря на электоральные победы, не стали частью европейского политического истеблишмента и не ясно, станут ли.

Рассуждая о новом политическом лидерстве, британский специалист по европейской политике Р. Итвел подчеркивает важность изучения особенностей поддержки новых политических фигур. В общественных науках возникновение новых форм лидерства связывается с социальным кризисом. «Во времена ускоренных изменений люди более предрасположены к состоянию аномии, утрате ценностей и чувства социальной принадлежности. Они, испытывая вакуум идентичности, оказываются открытыми влечению к лидерам, предлагающим радикальные альтернативы»¹, – пишет он.

Между глубиной социально-психологического кризиса и ростом популизма существует прямая связь. Наибольшей поддержкой праворадикальные и леворадикальные партии и лидеры пользуются в тех странах, где сильнее чувство страха перед глобализацией. На вопрос: «Угрожает ли глобализация национальной идентичности вашей страны», – большинство греков (70%), французов (63%), итальянцев (62%) дали позитивный ответ; в меньшей степени страх перед глобализацией испытывали немцы (47%) и британцы (46%)².

¹ Итвел Р. Возрождение харизмы? Теория и проблемы операционализации понятий // Социологические исследования. – М., 2003. – № 3. – С. 14.

² Robin J.-P. Macron va-t-il réconcilier les Français avec la mondialisation? // *Le Figaro*. – P., 2017. – 27.06.

Новые лидеры правопопулистского толка, как правило, харизматичные политики. Их оружие – провокация, они не боятся нарушать привычные нормы поведения и устоявшиеся правила. В публичное пространство они выносят темы, до сих пор бывшие табуированными или даже находящиеся вне правового пространства. Эти политики – в постоянном поиске внешнего врага и дают простые ответы на сложные вопросы. Они хотели бы «взорвать» Европейское сообщество и восстановить национальный суверенитет своих государств, «очистить» Европу от иммигрантов, обеспечить социально-экономические и политические преимущества для этнических голландцев, французов, немцев. Их лозунги: «Франция для французов», «Италия для итальянцев», «Германия для немцев». В Нидерландах правые популисты обещают вернуть страну «простым Хенку и Ингрид» (статья П. Осколкова и Л. Шишлиной).

Эти политики говорят от лица «простого народа», обращаются к животрепещущим темам, им удается вызывать эмоциональное сопереживание и восхищение у своих сторонников. В этом ряду – «французская Жанна д'Арк» М. Ле Пен, голландец Г. Вилдерс, итальянские лидеры Б. Грилло и М. Сальвини. В Западной Европе они всё чаще координируют свои действия. В 2018 г. в Лионе внучкой Ж.-М. Ле Пена создана школа менеджмента и политических наук, в которой, как отмечает М. Марешаль Ле Пен, обучаются представители «новой экономической и политической элиты» Франции и Европы. Всё говорит о том, что крайне правые политики готовятся к новым победам. Они намерены создать «националистический Интернационал», в котором объединятся суверенисты всех стран.

В последнее десятилетие позиции правопопулистских партий и движений на западноевропейской политической арене упрочились. На парламентских выборах в Нидерландах в марте 2017 г. праворадикальная Партия свободы Г. Вилдерса получила 20 мест в парламенте из 150. В ФРГ в ходе выборов в Бундестаг (сентябрь 2017 г.) праворадикальная «Альтернатива для Германии» (АГ) заняла третье место. Во Франции начиная с 2011 г. Национальный фронт (НФ) во главе с М. Ле Пен одержал не одну победу на мест-

ных выборах, а на президентских выборах 2017 г. за лидера партии Ле Пен проголосовала треть избирателей (33,9%). В Италии на парламентских выборах в марте 2018 г. победу одержали популистские «Движение 5 звезд» и «Лига» (в прошлом «Лига Севера»), сформировавшие коалиционное правительство, в котором их лидеры М. Сальвини и Л. ди Майо получили министерские посты. В декабре 2018 г. на местных выборах в испанской Андалусии победила праворадикальная партия VOX, получившая 11% голосов избирателей.

Усилили свои позиции и леворадикальные партии и лидеры. В январе 2015 г. к власти в Греции пришла партия «Сириза», возникшая на основе троцкистского объединения и коммунистической партии. Ее лидер 40-летний Алексис Ципрас, возглавляющий правительство, которое находится у власти уже четыре года, демонстрирует поразительное сочетание радикальной риторики с умеренной программой. В Испании крайне левые, троцкистские, антикапиталистические партии и движения объединились, создав партию «Подemos» («Мы можем»), которую возглавил молодой харизматичный лидер Пабло Иглесиас (статья С.М. Хенкина).

Во Франции Жан-Люком Меланшоном в 2008 г. была создана Левая партия, а накануне президентских выборов 2017 г. – сетевое движение «Непокоренная Франция». Ж.-Л. Меланшон провел яркую политическую кампанию, в первом туре выборов за него проголосовала пятая часть французских избирателей. В настоящее время он наряду с М. Ле Пен оспаривает статус лидера политической оппозиции. Как и правые, левые популисты координируют свою деятельность. «Непокоренная Франция» тесно сотрудничает с «Подemos» в Испании и «Единым списком – красно-зеленой коалицией» в Дании. Появление новых ярких фигур на левом фланге свидетельствует о том, что вопреки мысли об угасании традиционного конфликта между левыми и правыми это противостояние сохраняется и что для определенной части западноевропейского общества социалистические идеи остаются привлекательными.

Наряду с выходцами из партийных структур в Западной Европе появился еще один тип лидеров. Речь идет о политиках, не имеющих опыта партийной деятельности. К ним относится ны-

нешний французский президент Э. Макрон. Его победа совершилась в нарушение политических традиций: за ним не стояла влиятельная политическая партия, кандидат на президентский пост не имел опыта работы на выборных должностях, не участвовал в политической жизни страны. Его возвышение – типичная карьера французского технократа. Он учился в привилегированных учебных заведениях, работал в высших государственных органах, набирался опыта в бизнес-структурах и кулуарах власти. Э. Макрон отказался от традиционной политической карьеры и подчеркивает, что своим возвышением обязан лишь самому себе. Его победа в 2017 г. – это победа технократов над политиками. А его будущее зависит от того, удастся ли главе государства преодолеть технократические иллюзии и стать настоящим политиком (статья Н.Ю. Лапиной).

Формирование нового политического лидерства происходило на фоне возрастающей персонификации политики. В прошлом люди связывали свои ожидания с партиями, доверяли им, разделяли их идейные установки. Кризис партийной политики и растущее недоверие к политическим институтам привели к тому, что члены партий и простые граждане начали связывать свои ожидания с личностью конкретного политика, с «сильным руководителем».

До недавних пор считалось, что «сильная рука» – это соблазн, возникающий в посткоммунистических странах, где с крушением социализма произошли быстрые социальные изменения и существовала историко-культурная предрасположенность к сильной власти¹. На рубеже XX–XXI вв. стремление к «сильной руке» вышло за пределы посткоммунистического пространства. Приход к власти в Западной Европе популистов свидетельствует о том, что и граждане демократических стран склонны поддерживать лидеров, обещающих решить все их проблемы. Одной из первых на этот путь встала Италия. Кризис политической системы привел к власти С. Берлускони, представлявшегося, по словам итальянского

¹ Итвел Р. Возрождение харизмы? Теория и проблемы операционализации понятий // Социологические исследования. – М., 2003. – № 3. – С. 9–19.

политолога Р. Валле, «конституционным и эгалитарным монархом и сентиментальным популистом, который рассматривает политику в категориях любви и ненависти» (статья Р. Валле). Во Франции во втором десятилетии XXI в. на фоне растущего недоверия к политическим элитам в обществе укрепилось мнение, что страной должен управлять «сильный человек, которому нет дела до парламента и выборов». Этого мнения в июне 2018 г. придерживались 42% французов¹, а среди сторонников пропрезидентского движения «Вперед, Республика!» их доля еще выше (47%)².

Новое политическое лидерство возникает на пересечении политики и коммуникации. В современном мире коммуникация пронизывает все сферы общественной жизни, оказывает влияние на политику, механизмы формирования политических смыслов, образов, представлений. Для определения современной политики всё чаще используется понятие «медиаполитика». «Медиа, – пишет теоретик концепции сетевого информационного общества М. Кастельс, – не являются четвертой властью. Они гораздо важнее: они являются пространством создания власти»³. Эту особенность эпохи информационной революции понял и эффективно использовал С. Берлускони. Анализируя феномен берлусконизма, Р. Валле подчеркивает, что он являет собой не простое утверждение аполитичности, но переход от идеологии к формированию образов – имагологии. Берлусконизм как явление политики напрямую связан с утверждением особого телевизионного небарочного стиля, «приятной технологии оболъщения». Под влиянием этого стиля итальянская революция 1994 г. была воспринята как сверхъестественное явление, несмотря «на очевидную секуляризацию» (Р. Валле).

Итак, медиа становятся «пространством создания власти». Отчасти об этом свидетельствует тот факт, что всё чаще значимые

¹ Finchelstein G. *Portrait-robot des sympathisants de la République en Marche.* – P.: Fondation Jean Jaurès, 2018. – P. 19.

² Finchelstein G. *Portrait-robot des sympathisants du Parti socialiste.* – P.: Fondation Jean Jaurès, 2018. – P. 27.

³ Кастельс М. *Власть коммуникации.* – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – С. 222.

политические события разворачиваются в прямом эфире. Подобно американским президентам, французский глава государства наиболее важные законодательные акты подписывает перед телевизионными камерами. В конце лета – осенью 2018 г. Франция с недоумением наблюдала за тем, как ряд министров о своем уходе из правительства заявили в телевизионном эфире.

Политика становится заложницей СМИ и инновационных способов массовой коммуникации. В прошлом политик предьявлял свои идеи, формулировал и отстаивал свою политическую программу. В медиаполитической реальности политика превращается в бесконечный спектакль, идеология утрачивает значимость, а от политика требуются такие качества, как привлекательность, яркость, артистизм. Для политических деятелей функция коммуникатора становится важнейшим инструментом усиления позиций на политической арене. Политические акторы, чтобы быть услышанными, приобрести и сохранить влияние, вынуждены постоянно присутствовать на разных коммуникационных платформах. Политики приняли новую функцию, успешно осваивают новые способы коммуникации и участвуют в политическом спектакле. Свою популярность П. Иглесиас завоевывал в телевизионном эфире, о политике испанская публика узнала из передачи, ведущим которой он был.

Новые лидеры, как свидетельствуют статьи наших авторов, выстраивают свои образы с помощью профессиональных политтехнологов. Нередко эти образы настолько искусственны, что имеют мало общего с реальным человеком (статья Д.Б. Вершининой). Образы, транслируемые общественности, амбивалентны. С одной стороны, они призваны продемонстрировать, что политик – такой же «простой человек», как и его избиратели. Именно поэтому в политической коммуникации всё большее место занимает демонстрация повседневной жизни политика. Достаточно вспомнить, какую роль в избирательной кампании Э. Макрона сыграла его личная история. С другой стороны, новый политический лидер нередко предстает как посланный Провидением человек, которому дано изменить ход истории и решить острые социальные и полити-

ческие проблемы. «Макрон – единственный человек, который может реформировать Францию», – утверждают его последователи.

Новые политические лидеры – прагматики, их главная цель – достижение политического успеха. Ради этого они в течение жизни совершили не один «идеологический транзит», с легкостью меняли «партийные этикетки». Лидер правопопулистской «Лиги» М. Сальвини, начинавший свою политическую карьеру в коммунистической среде, затем в регионалистской партии «Лига Севера», пришел к национализму и антиевропеизму. Постоянно между системностью и несистемностью балансирует П. Иглесиас: то он усиливает антикапиталистическую риторику, то, стремясь отвоевать для своей партии «Подemos» место в центре политического спектра, смягчает ее. Визитной карточкой Э. Макрона является то, что он «ни левый и ни правый».

Значит ли это, что отныне в политике остаются исключительно прагматики? Думается, нет. В этом смысле показателен феномен Дж. Корбина, возглавившего Лейбористскую партию и стремящегося вернуть ее к традиционным идеологическим ценностям. Избрание Корбина – это антитеза политическому прагматизму лейбористов последних десятилетий. Яркое свидетельство того, что избиратели устают и разочаровываются не только в традиционных партиях и политиках, сделавших карьеру в партийном аппарате, но и в новых лидерах-прагматиках.

Появление новых политических лидеров в странах Западной Европы в известной степени совпало со сменой политических поколений (статья А.В. Белинского). Сегодня во многих странах Западной Европы происходит «революция молодых», которые всё более активно теснят политиков-тяжеловесов. В отличие от политиков традиционного типа, которые выдвинулись в ходе партийно-бюрократической борьбы и поднимались на властный олимп в течение десятилетий, многие новые лидеры стремительно сделали свою карьеру. В Италии Л. ди Майо в 2013 г. в возрасте 26 лет стал самым молодым заместителем председателя Палаты депутатов, а в 2018 г. – самым молодым заместителем председателя кабинета министров. Быстро поднялся на властный олимп канцлер Австрии С. Курц. В возрасте 17 лет он вступил в ряды молодежного движе-

ния Австрийской народной партии, в 27 лет был назначен министром иностранных дел Австрии, в 32 года стал канцлером Австрии. Французские СМИ называют Э. Макрона «метеором». В момент избрания президентом Франции ему 39 лет, он – самый молодой после Наполеона глава французского государства.

Было бы наивным полагать, что новый политический мир одержал победу, а старый политический мир разрушен. Смена поколений политиков не происходит одномоментно, а молодые политики нуждаются в навыках и компетенции старшего поколения. К тому же, отстраивая политический мир на принципах «демократии участия» и горизонтальных отношений, новые лидеры нередко возвращаются к старым формам, которые они же в прошлом и осуждали, и создают вождистские партии. Именно так происходит с испанским политиком П. Иглесиасом. Он всё более жестко руководит партией «Подемос», а в его деятельности, как пишет С.М. Хенкин, всё ярче проявляются «характеристики политического лидера традиционного типа». Думается, новому и старому политическим мирам еще долгое время придется сосуществовать, а столкновения между ними будут приобретать всё более неожиданные формы.

Политический лидер, пишет политолог А.И. Соловьев, одновременно выполняет высшие административные (распорядительные) и политические (стратегические) функции. «Властное амплуа этой фигуры включает в себя функции арбитра и проектировщика решений, персонального представителя общественных интересов и института, обладающего способностью конструировать социальные связи»¹. Политический лидер, когда он занимает высшие государственные позиции, или, по определению О.В. Гаман-Голутвиной, «государственный лидер»², в равной степени должен выполнять все перечисленные функции. Приходя к вла-

¹ Соловьев А.И. *Политический лидер в административной среде государственного управления, или «Кто в доме хозяин»?* // Полис. – М., 2017. – № 2. – С. 63.

² Гаман-Голутвина О.В. *Политические элиты и политическое лидерство* // Политология. Лексикон / под ред. А.И. Соловьева. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 503-515.

сти, политические лидеры оказываются перед новыми вызовами, отличными от тех, которые возникали перед ними на этапе восхождения к власти.

Мир стал более сложным, многие процессы не контролируются на национальном уровне. Государственным руководителям приходится действовать в условиях крайней нестабильности, растущих внешних угроз, таких как международный терроризм или массовые миграции. Выработка эффективных решений всё чаще требует наличия специализированных знаний, которыми располагают технократы – представители административной элиты. Чтобы политика была взвешенной и эффективной, необходимо взаимодействие между политиками и администраторами (статья Ф.О. Трунова).

Каковы бы ни были особенности карьеры и социальный профиль политического лидера на Западе, он вынужден действовать в рамках жестких институциональных ограничений. В России ситуация принципиально иная: акторы в нашей стране сильнее институтов. В 1990-е – начале 2000-х годов политические руководители страны Б.Н. Ельцин и В.В. Путин сыграли большую роль в процессе общественной трансформации и институционального строительства в РФ. В последние годы политическое лидерство в нашей стране всё чаще исследуется через призму «портретологии», отрасли междисциплинарного знания, или, как ее еще называют, науки о построении «психологических портретов»¹. Популярность подобных исследований в современном мире очень высока, и в этом нет ничего удивительного: читателям хочется как можно больше узнать о выдающихся людях, тех, кто правит миром и принимает стратегические решения. В этом ключе выполнена статья И.Э. Стрельца, посвященная психологическим особенностям личности двух российских президентов – Б.Н. Ельцина и В.В. Путина.

¹ *Ракитянский Н.М. Портретология власти. – М.: Наука, 2004. – 263 с.*